

ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг 18 апреля 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: АФИФИ-паша (Египет)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

36. Предварительная повестка дня (S/41)

1. Утверждение повестки дня.
2. а) Письмо представителя Польши от 8 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/32)⁷⁸.
б) Письмо представителя Польши от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/34)⁷⁹.

37. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

38. Обсуждение испанского вопроса (продолжение)

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Вчера, в конце своей речи, представитель Польши обратился к Совету Безопасности с красноречивым призывом от имени Польши, которая была освобождена всеми Объединенными Нациями. Я могу его заверить, что этот призыв, исходящий от представителя Польши, найдет сочувственный отклик в моей стране, на долю которой выпала честь первой объявить войну Гитлеру в поддержку Польши.

Я могу также заверить его, что моя страна, сражавшаяся изо дня в день на протяжении двух мировых войн, не может не отозваться на жизненную необходимость предотвратить повторение подобных ужасов. Мы, в той же степени, что и всякий другой, непосредственно заинтересованы в поддержании мира, а также в укреплении и строгом соблюдении Устава Организации Объединенных Наций.

Находящийся в настоящее время на обсуждении Совета Безопасности вопрос об Испании не такой простой, каким он может показаться с первого взгляда. Этот вопрос имеет два аспекта.

Следует заметить, что в своих двух письмах от 8 и 9 апреля, адресованных на имя Генерального Секретаря, представитель Польши говорит о ситуации, «являющейся результатом существования и деятельности режима Франко в Испании». Представленная им вчера на 34-м за-

седании резолюция предлагает самому Совету объявить, «что существование и деятельность режима Франко в Испании привели к международным трениям и угрожают международному миру и безопасности».

Я думаю, что не так то легко, как показала речь представителя Польши, разьединить эти два аспекта вопроса. Тем не менее, я считаю, что Совет должен попытаться это сделать, чтобы ясно понять свой долг и свои обязательства в этом деле. Ссылка на существование режима как будто означает, что перед судом Совета Безопасности стоит сам режим как таковой. Что касается режима Франко, то правительство Его Величества достаточно ясно изложило свою точку зрения и, как уже было отмечено, присоединилось к различным декларациям по этому вопросу.

Представитель любого государства-члена Организации Объединенных Наций имеет полное право, в индивидуальном порядке или вместе со своими коллегами, выразить неодобрение его страной действующего режима в любой другой стране.

Отдельные государства-члены Организации имеют также право пойти дальше и объявить, что они не будут поддерживать допущения в Организацию Объединенных Наций страны, в которой господствует такой режим, но, прежде чем Совет решится на принятие коллективных мер, он должен быть уверен, что делает это в соответствии с Уставом и что принимаемые им меры рассчитаны на достижение желаемых результатов.

Предыдущие ораторы обратили наше внимание на пункт 6 статьи 2 Устава, но я вынужден указать, что тотчас же за этим пунктом следует заявление в пункте 7 о том, что Устав ни в какой мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию того или другого государства. Характер режима в любом данном государстве бесспорно является вопросом внутренней компетенции этого государства.

Но те, кто составляли Устав, предусмотрительно сделали одно исключение из этого правила, рассчитанное на тот случай, если режим, подобный нацистскому режиму в Германии, окажется по своему характеру настолько агрессивным, что будет явно угрожать миру и безопасности других стран. Приведенный мною пункт устанавливает также, что этот принцип, а именно принцип невмешательства в вопросы внутренней компетенции, не должен затрагивать применения принудительных мер на основании главы VII. Это та глава Устава, которая относится к принудительным мерам, и первая статья этой главы, статья 39, лежит в основе всей главы. Она устанавливает, что «Совет Безопасности

⁷⁸ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 3а.

⁷⁹ Там же, приложение 3б.

определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять... для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Представитель Польши не сделал попытки показать, что имеется случай для применения главы VII. Он основывает свой призыв на статьях 34 и 35 Устава, которые составляют часть главы VI. Поэтому, несмотря на его ссылку на «существование... франкистского режима в Испании», то, что утверждает польский представитель, — это то, что испанское правительство приняло или принимает меры, которые, по точному смыслу статьи 34, могут «привести к международным трениям или вызвать спор».

Это тот вопрос, который фактически предложен на рассмотрение Совета, и я должен сказать, что я не нахожу представленные доказательства достаточно убедительными. В письме представителя Польши от 9 апреля, повидимому, имеется до некоторой степени серьезный пробел. Оно начинается ссылкой на декларации, осуждающие фашистский режим в Испании, каковых я уже коснулся, и затем говорит, что «целый ряд последовавших с тех пор событий ясно показал, что деятельность франкистского правительства уже причинила международные трения и подвергла опасности международный мир и безопасность. Вследствие этого французское правительство было вынуждено 26 февраля 1946 г. закрыть границы между Францией и Испанией». Это выдержка из письма представителя Польши.

Я полагал, что представитель Польши даст нам несколько более полные доказательства деятельности, о которой он упоминает. Выдвигаемое им обвинение основывается, повидимому, в значительной степени на позиции и действиях генерала Франко в первые годы войны. Об этом сейчас стало известно, и это несомненно ложится темным пятном на роль испанского правительства за тот период. Тогда Франко был несомненно убежден в том, что сила Германии непреодолима и что Европа будет завоевана Гитлером, и он хотел извлечь из этого как можно больше преимуществ для своей страны. В этом не только он ошибся.

Но все это с некоторых пор уже известно. Что мне неизвестно даже сейчас, это — что сделало испанское правительство за последнее время такого, в чем мы могли бы усмотреть его агрессивные намерения. Правда, что, как указал представитель Польши, Испания является центром распространения фашизма и возможным плацдармом для новой войны, но я не вижу, чтобы польский представитель дал нам какие-либо доказательства агрессивных намерений Испании.

Я думал, что представитель Франции заполнит этот пробел и от имени своего правительства выразит опасения по поводу военных приготовлений Испании. Но по этому вопросу он не сказал ничего.

Я не хочу выступать в качестве защитника испанского правительства, против которого у моего правительства имеется много жалоб и о котором оно открыто высказало свое мнение. Мое

правительство расположено к франкистскому режиму не более, чем любое другое правительство, представленное за этим столом, но сейчас дело поставлено на суд Совета, и обязанностью Совета, как отметил вчера представитель Нидерландов, является расследовать его беспристрастно и объективно.

Мое правительство, располагая некоторой информацией, касающейся вопросов, упомянутых представителем Польши, считает себя обязанным изложить известные ему факты, чтобы предотвратить неправильное понимание его позиции и возможное принятие мер, исходя из неверных предположений. Я изложу факты, известные моему правительству еще до того, как представитель Польши сделал вчера свое заявление. Мы, разумеется, расследуем по мере возможности представленную им информацию.

Что касается сосредоточения испанских войск на французской границе, то мои сведения имеют в большей или меньшей степени такой же предположительный характер, как и сведения представителя Польши. Я могу только сказать, что приведенная им цифра значительно выше тех ориентировочных подсчетов, которыми располагает мое правительство.

Представитель Польши с некоторой подробностью остановился на вопросе о немецком просачивании в испанскую экономику. Верно то, что в Испании имеются значительные немецкие интересы, главным образом в форме индустриальных предприятий. Как видно из официальных британских сообщений, все официальные и большая часть полуофициальных немецких активов уже переданы испанским правительством непосредственно заинтересованным союзным миссиям в Мадриде. Эти миссии уже пользуются значительным и все возрастающим влиянием во многих немецких индустриальных предприятиях Испании, и даны заверения, что испанское правительство не будет возражать против назначения представителей указанных миссий в правления этих немецких предприятий. Нами, например, уже назначены представители в правления трех из числа четырех филиалов I. G. Farbenindustrie, находящихся в Испании. В действительности позиция испанского правительства в вопросе немецких активов до сих пор была отмечена полным сотрудничеством — не в пример будь сказано другим нейтральным правительствам.

Опять-таки верно то, что в Испании все еще имеется около 10 000 или 12 000 немцев. Однако большинство из них частные лица и до сих пор установлено только около 2 500 случаев должностных лиц, агентов и т. п., репатриация которых считается вопросом срочной необходимости. Насколько известно, в Испании еще имеется только около 150 бывших германских солдат.

За последние несколько месяцев правительство Соединенных Штатов и правительство Соединенного Королевства сделали все от них зависящее для репатриации этих немцев, в частности тех, которые наиболее нежелательны. Но нельзя было в этом отношении достигнуть того, на что мы рассчитывали, ввиду значительных

трудностей, связанных с транспортными средствами. Все же свыше 1 500 немцев, в том числе многие из числа нежелательных, уже репатрированы по железной дороге, морем и по воздуху в результате усилий, приложенных правительствами Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции.

На испанское правительство оказывается постоянное давление посольствами Соединенного Королевства и Соединенных Штатов в Мадриде, чтобы добиться отправки остальных немцев, как только будет организована их перевозка, и фактически всего несколько дней тому назад испанскому послу в Лондоне были сделаны новые представления. Есть надежда, что в скором времени будет возможно репатриировать следующую партию немцев на пароходе Соединенных Штатов. Несмотря на то, что испанское правительство далеко не проявляет в этом вопросе того сотрудничества, которого можно было бы ожидать, было бы несправедливо говорить, что оно чинит препятствия или не оказывает никакой помощи. Главным препятствием является отсутствие транспорта, и всякая помощь, которую могли бы оказать в этом смысле другие члены Организации Объединенных Наций, пришлась бы весьма кстати.

У правительства Соединенного Королевства нет сведений о каких-либо германских военных преступниках или нацистских лидерах, которым бы было предоставлено убежище в Испании. Посольство Соединенного Королевства в Мадриде сообщило 24 января, что у него нет никаких следов — будь то под настоящими или вымышленными именами — тех лиц, о которых упомянул представитель Белорусской Советской Социалистической Республики в своей речи на заседании Генеральной Ассамблеи 18 января⁸⁰. Мы равным образом не можем чем-либо подтвердить недавние сделанные в газетах Советского Союза заявления, будто генерал Фаупель находится в Испании и возглавляет какое-то иберийско-американское учреждение.

Посольство Соединенного Королевства в Мадриде сообщило в январе, что нет никаких доказательств того, что немецкие ученые в Испании занимаются научно-исследовательской работой, относящейся к разработке новых методов ведения войны, и у нас нет в настоящее время сведений, которые подтверждали бы такое утверждение. Союзные миссии в Мадриде следят за немецкими техническими специалистами в Испании, и если бы последние занялись нежелательной деятельностью, то об этом, по всей вероятности, стало бы известно. В действительности большинство находящихся в Испании немцев ведет спокойный и скромный образ жизни, надеясь избежать репатриации.

Что касается резолюции, внесенной представителем Польши, то повидимому единственное, что мог бы сделать Совет согласно главе VI в отношении ситуации, подобной той, которая определена в статье 34, — это рекомендовать на основании статьи 36 надлежащую процедуру или методы урегулирования.

Единственным резолютивным постановлением польской резолюции является требование, чтобы государства-члены Организации Объединенных Наций немедленно порвали дипломатические отношения с правительством Испании. Разрыв дипломатических отношений является одной из первых обязательных мер, предписанных главой VII Устава, на которые здесь нет ссылки и которые могут быть применены только в том случае, если Совет установит «существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии».

Я не могу признать, чтобы обвинения, которые до сих пор были выдвинуты против испанского правительства, подтверждали существование такой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, и поэтому не считаю, чтобы было правильным требовать сейчас коллективного разрыва дипломатических отношений. Исходя из только что мною сказанного, я также не считаю, что такой шаг было бы благоразумен.

Я уже указал, что в Испании что-то делается для искоренения немецкого влияния. Это делается по настоянию наших дипломатических миссий, которые внимательно следят за всеми действиями испанского правительства и постоянно оказывают на это правительство давление, требуя выполнения им своих обязательств. Если бы эти миссии были отозваны, то немцам в Испании было бы предоставлено свободное поле деятельности, и у нас не было бы возможности за ними следить.

По всем этим причинам я не могу голосовать за резолюцию, внесенную в Совет Безопасности представителем Польши.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Вопрос, поставленный перед Советом Безопасности представителем Польши по поручению его правительства, поставлен вполне своевременно и заслуживает быть рассмотренным со всей серьезностью. Польское правительство, действуя в соответствии со статьями 34 и 35 Устава Организации Объединенных Наций, доводит до сведения Совета Безопасности о положении, создавшемся в Испании, поскольку это положение, по его мнению, угрожает поддержанию международного мира и безопасности.

Кое-где раздаются голоса о том, что польское заявление представляет вмешательство во внутренние дела Испании, каковое вмешательство запрещается пунктом 7 статьи 2 Устава. Но подобные утверждения не имеют под собой основания и представляют собой искажение действительности. Устав действительно содержит положение, в котором речь идет о невмешательстве Организации Объединенных Наций во внутренние дела государств. Однако из Устава ясно вытекает, что вмешательство Организации во внутренние дела государств не должно иметь места при нормальных условиях, т. е. когда внутренняя обстановка в том или ином государстве не представляет угрозы международному миру и безопасности. Устав допускает и предусматривает необходимость применения определенных мер в отношении тех государств, внутренняя обстановка которых вызывает угрозу для международного мира и безопасности. На это ясно ука-

⁸⁰ См. Официальные отчеты, первая часть первой сессии Генеральной Ассамблеи, Пленарные заседания, стр. 128-129.

зывает также статья 2 Устава. Таким образом, Устав не оставляет какой-либо неясности в вопросе о том, при каких условиях Организация не может и не должна вмешиваться во внутренние дела государств и при каких условиях она может и должна предпринимать определенные меры, требуемые в связи с ситуацией, хотя и вытекающей из внутренней обстановки в тех или иных государствах, но представляющей угрозу миру.

Устав Организации, принятый на Конференции в Сан-Франциско, разрабатывался с учетом опыта второй мировой войны и вызвавших ее причин. Во время Конференции в Сан-Франциско у народов Объединенных Наций свежи были в памяти предвоенные события. Они свежи в памяти и теперь. Политика невмешательства, проводившаяся Лигой Наций и некоторыми державами, игравшими в ней видную роль, как известно, фактически поощряла германский режим в его агрессивных стремлениях. Она, в конце концов, привела к развязыванию фашистской Германии войны против миролюбивых стран. А разве не известна позорная политика невмешательства, проводившаяся во время войны в Испании, когда Франко, при помощи Гитлера и Муссолини, душил Испанскую Республику. Во что обошлась эта политика невмешательства в отношении фашистских государств, — теперь всем известно. Она стояла горы трупов и рек крови.

Делегации стран-членов Объединенных Наций, принимавших участие в выработке Устава на Конференции в Сан-Франциско, естественно старались подготовить такой Устав, который позволил бы в максимальной степени избежать в будущем ошибок, подобных роковой ошибке, которая была допущена в отношении фашистских государств в прошлом.

Поэтому Устав допускает применение Организацией Объединенных Наций определенных мер в отношении тех государств, внутренние условия которых вызывают угрозу миру. Это и понятно, ибо высшей целью и высшей задачей Организации Объединенных Наций, и особенно такого ее органа как Совет Безопасности, является поддержание мира и безопасности, что соответствует интересам всех миролюбивых народов. Этой цели должны быть подчинены все действия Совета Безопасности, ибо для этого он создан. Именно с этой точки зрения Совет Безопасности должен рассмотреть вопрос о нынешнем положении в Испании и о тех последствиях, которые могут быть вызваны продолжением существования этого положения.

Некоторые выступавшие здесь члены Совета и, в частности, г-н Кадоган и г-н ван-Клеффенс пытались доказывать, что обращение польского правительства и тот сигнал тревоги, который это правительство подает, является будто бы необоснованным и что положение в Испании якобы не представляет никакой угрозы для дела мира и безопасности. И далее делается вывод, будто Совету Безопасности незачем предпринимать какие-либо практические шаги в связи с обсуждением этого вопроса.

Я позволяю себе решительным образом не согласиться с подобными утверждениями и поста-

раюсь показать, насколько такие утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Я позволю себе остановиться на трех главных вопросах, с моей точки зрения требующих рассмотрения в связи с обращением правительства Польши:

1. на природе режима Франко,
2. на вопросе внешней политики Франко во время второй мировой войны,
3. на вопросе о том, что продолжение существования режима Франко действительно представляет угрозу миру и безопасности.

Вряд ли кто-либо из членов Совета Безопасности возьмет на себя смелость отрицать фашистскую природу режима Франко. Известно, что этот режим вырос не путем развития внутренних сил в Испании, а в результате вмешательства извне, со стороны основных государств оси — гитлеровской Германии и фашистской Италии, навязавших испанскому народу фашистский режим Франко. Удушение Франко Испанской Республики после трехлетней войны в Испании было достигнуто при помощи вооруженной интервенции Гитлера и Муссолини. Мне кажется, что нет необходимости останавливаться пространно на этом бесспорном тезисе. Живыми свидетелями событий того времени являются, в частности, сотни тысяч нашедших убежище за границей испанских беженцев.

Происхождение существующего в Испании фашистского режима, его теснейшая связь с германским и итальянским фашизмом, его внутренняя и внешняя политика подтверждают бесспорность фашистской природы этого режима. К каким бы методам камуфляжа ни прибегал Франко после полного разгрома его покровителей и друзей — Гитлера и Муссолини, эти жалкие попытки не могут ввести в заблуждение мировое общественное мнение относительно происхождения этого режима. Для всех, кто хочет видеть вещи такими, какими они являются на самом деле, существующий в Испании режим был и продолжает оставаться фашистским со всеми характерными для такого режима атрибутами. Один факт фашистского происхождения режима Франко является уже достаточным основанием для того, чтобы поставить перед Советом Безопасности вопрос о том, могут ли Объединенные Нации после 6-летней кровавой борьбы с фашизмом, мириться с существованием таких порядков в Испании. Одного этого факта достаточно, чтобы поставить перед Советом Безопасности вопрос о том, возможно ли для миролюбивых государств, создавших Организацию Объединенных Наций после борьбы с фашистскими агрессорами, повлекшей колоссальные людские и материальные жертвы, не принимать соответствующих мер к устранению создавшегося в Испании положения, представляющего угрозу для мирного развития и существования народов.

Невозможно в одно и то же время подписываться под международными актами, призывающими добиваться искоренения остатков фашизма, и в то же время мириться с существованием фашизма в Испании. Невозможно быть последовательным, чтобы в одно и то же время предпринимать меры к уничтожению остатков фа-

пизма, например в Германии и Италии, и спокойно допускать существование фашизма в Испании.

Смысл выступлений г-на Кадогана и г-на ван-Клеффенса сводится к тому, что будто бы можно, не нарушая Устава, в одно и то же время вести борьбу за искоренение фашизма и не обращать внимания на наследие Гитлера и Муссолини, каковым является режим Франко. Если это называется логикой, то тогда нужно договориться о том, чтобы логику и здравый смысл называть абсурдом.

Перехожу к вопросу о внешней политике франкистского режима во время второй мировой войны. Франко на протяжении всей войны, как известно, был верным союзником Гитлера и Муссолини, которым он обязан захватом власти в Испании и удушением безоружной Испанской Республики. Такое положение было естественным для Франко, соединившим свою судьбу с судьбой гитлеровской Германии и фашистской Италии.

В настоящее время на свет появилось много документов, вскрывающих отношения Франко с гитлеровской Германией, документов, которые ранее были скрыты от общественного мнения мира. Теперь эти документы стали достоянием общечеловечности. Они лежат, в частности, на столе Международного трибунала в Нюрнберге. Многие из документов, хотя и представляют собой лишь отдельные сегменты истории взаимоотношений испанского фашизма с фашистской Германией и с фашистской Италией, тем не менее являются весьма показательными.

Из огромного количества документальных данных, доказывающих факт теснейшего сотрудничества Франко с Гитлером и Муссолини во время второй мировой войны, я позволю себе сослаться лишь на официальные источники и документы, в частности, опубликованные государственным департаментом Соединенных Штатов 4 марта 1946 года. Эти документы обнимают собою переписку между Франко и Гитлером, Франко и Муссолини и переписку соответствующих министров иностранных дел. В числе этих документов, в частности, имеется донесение гитлеровского посла в Мадриде Шторера от 10 августа 1940 г., в котором изложены условия, выставленные Франко для немедленного вступления в войну на стороне держав оси. Уже 11 ноября 1940 г. тот же Шторер сообщил в Берлин, что министр иностранных дел Испании подписал испано-германское соглашение о вступлении Испании в войну.

Если в дальнейшем Испания формально в войну не вступила, то это произошло лишь в силу обстоятельств, от нее не зависевших. Я говорю — формально не вступила в войну, потому что абсолютно не верны утверждения, что Испания вообще не принимала участия во второй мировой войне, оставаясь «невоюющей стороной». Достаточно вспомнить о фактах, на которые неоднократно обращало внимание мое правительство, а именно, на участие испанской так называемой «Голубой Дивизии» в боях против Красной Армии, чтобы стало очевидным, что и формальный довод о том, будто бы Испания

Франко не принимала участия в военных действиях против Объединенных Наций, является неправильным. Испанские солдаты, посланные Франко на восточный фронт, отправлялись не для участия в лыжном спорте, тем более что лыжники они, говорят, плохие. Они были направлены для того, чтобы принимать участие на стороне фашистской Германии в военных действиях против Красной Армии. Можно спорить о том, хорошими или плохими войсками оказались офицеры и солдаты «Голубой Дивизии» и насколько они оказались лучшими войсками, чем лыжниками. Но факт остается фактом, что испанские военные части, объединенные в «Голубую Дивизию», принимали участие в войне против Советского Союза, убивали и грабили гражданское население, воровали имущество и ценности, принадлежавшие советским гражданам и советским учреждениям.

Как известно, Франко всячески изворачивался, пытаясь отрицать наличие «Голубой Дивизии», сражавшейся против СССР. Все эти отрицания буквально копировали заявления Муссолини, который делал их по вопросу о посылке так называемых «итальянских волонтеров» в Испанию во время вооруженной интервенции Гитлера и Муссолини. Если в то время находились государственные деятели, которые делали вид, что верят заявлениям Муссолини, то в настоящий момент вряд ли это можно допустить по отношению к заверениям Франко. Достаточно отметить следующие факты:

13 июля 1941 г. из Мадрида были направлены первые контингенты «Голубой Дивизии». 14 июля представитель испанского министерства иностранных дел в речи заявил с бахвальством, что «мир поймет причины и цели этой отправки». 17 июля в речи, произнесенной в Национальном совете фаланги, Франко заявил, что, посылая «волонтеров» сражаться в России, Испания «дает доказательство своего братства с Германией». 2 сентября 1941 г. Гитлер принял командующего «Голубой Дивизией» Гранде в своей ставке. 10 сентября официальное германское агентство сообщило, что «Голубая Дивизия» прибыла на Восточный фронт. Жалкие попытки доказать, что «Голубая Дивизия» представляла собой только «волонтеров», предпринятые Франко после начала разгрома его германских покровителей, могут быть разоблачены декретом того же Франко, опубликованным 31 декабря 1943 года. В этом декрете говорится, что остатки «Голубой Дивизии» включаются в состав регулярной испанской армии.

Участие франкистской Испании во второй мировой войне на стороне держав оси, как известно, не исчерпывается посылкой испанских военных контингентов на Восточный фронт для борьбы против Советского Союза. Фактическое участие Испании в войне на стороне держав оси имело место и в других формах. Разве франкистская Испания не посылала стратегическое сырье в Германию и Италию во время войны? О фактах посылки такого сырья правительством Франко в Германию и Италию неоднократно сообщалось в мировой печати, в том числе в американской. Эти факты уже стали известны широкой общественности.

Наконец, разве не известно, что Франко был готов выступить полностью на стороне держав оси, если бы в моменту намеченного выступления дела его союзников не приняли столь печальный для них оборот.

Едва ли не лучшим свидетельством этого намерения Франко является его личное письмо в Муссолини от 16 августа 1940 года. В этом письме он пишет⁸¹: «С самого начала настоящего конфликта наше намерение состоит в том, чтобы делать наибольшие усилия в нашей подготовке к вступлению в войну при удобном случае...». Этот «удобный случай» не наступил, но, повторяю, — по независящим от Франко обстоятельствам. Его союзники — Гитлер и Муссолини оказались разгромленными.

Перехожу к третьей части своего заявления в связи с обсуждаемым вопросом — к анализу вопроса о том, почему существование фашистского режима Франко в Испании представляет угрозу для международной безопасности.

Можно привести десятки и даже сотни фактов, подтверждающих тезис о том, что существование режима Франко кроет в себе серьезную опасность для свободлюбивых наций в Европе и Южной Америке, а следовательно не согласуется с теми высокими целями, которые провозглашены Организацией Объединенных Наций. Я укажу лишь на некоторые факты, которые, по-моему, не должны оставлять сомнений в абсолютной обоснованности и справедливости предложения о разрыве дипломатических отношений с режимом Франко, внесенного польским правительством.

В мировой печати были опубликованы и продолжают публиковаться сообщения о той роли, которую играли и играют германские нацистские агенты в Испании, очутившиеся там после окончательного разгрома Германии. Эти данные, поступающие из самых различных источников, подтверждают, что в настоящий момент в Испании находится не менее 80 000 нацистов, бежавших в разное время из Германии. Среди них находятся крупные деятели германской военной промышленности, видные фашистские чиновники, дипломаты и другие. Имена многих из них опубликованы в печати, а следовательно всем известны. Нацистские военные преступники продолжают оставаться в Испании, вместо того чтобы предстать перед Международным трибуналом.

Дело, однако, не только в наличии в Испании военных преступников, бежавших туда и нашедших приют под крылышком Франко. Серьезного внимания заслуживает тот факт, что в Испании нашли приют ряд видных германских индустриальных фирм. В этом контексте полезно сослаться на официальные материалы, представленные Комитету Кильгора департаментом финансов Соединенных Штатов 2 июля 1945 года. Эти материалы дают ясное представление о влиянии, которое имеют в Испании такие германские предприятия, как предприятия I. G. Farbenindustrie предприятия по производству ста-

ли и т. д. Известно, какую роль эти предприятия играли в качестве экономической базы германского империализма.

Ряд источников утверждает, что в Испании сосредоточено не менее 100 миллионов долларов германских капиталов. Перечень фактов, подобных приведенным выше, можно было бы продолжить. Но я полагаю, что фактов, уже доложенных Совету Безопасности в ходе дискуссии, достаточно в качестве основания для вынесения Советом Безопасности в соответствии с Уставом решения, которое соответствовало бы значению и серьезности поставленного польским правительством вопроса.

Существующий в Испании фашистский режим, возникший при активной поддержке германского и итальянского фашизма до войны, представляет собой фашистское гнездо, чреватое опасными осложнениями для дела мира. Именно опасность режима Франко, как фашистского очага, способного стать источником провокаций и серьезных осложнений, могущих привести к нарушению мира и безопасности, и побудила польское правительство обратиться в Совет Безопасности с заявлением, которое было представлено г-ном Ланге.

К сожалению, не все хотят признать тот факт, что история должна чему-то учить людей и что государственные деятели современности не могут уподобляться династии Бурбонов, о которых говорят, что они ничего не забыли, но ничему и не научились. Было бы непростительной ошибкой не извлечь уроков из печальной истории, например, последних пятнадцати-двадцати лет, ознаменовавшихся ростом фашизма в некоторых странах, особенно в Германии, ввергнувшего человечество в кровопролитнейшую из войн.

Я считаю уместным здесь напомнить о том, что советское правительство и генералиссимус Сталин еще задолго до войны предупреждали народы и государственных деятелей других стран об опасности, которую несет с собой фашизм, и призывали к активным мерам борьбы против надвигавшейся фашистской агрессии. Предупреждение и призыв советского правительства, к сожалению, не получили тогда должного отклика со стороны тогдашних правительств некоторых государств. Я не буду вдаваться в детали предвоенной истории. Я здесь не буду указывать на мотивы, по которым государственные деятели некоторых государств упорно сопротивлялись всяким попыткам сковать агрессоров решительными совместными действиями миролюбивых стран с целью предотвращения надвигавшейся катастрофы.

Мотивы эти уже разоблачены. Но ведь предвоенная политика «невмешательства», наиболее типичными выразителями которой были Чемберлен и Даладье, потерпела крах, обанкротилась, в чем едва ли кто-либо сомневается. Казалось бы, что ввиду этого все Объединенные Нации должны со всей серьезностью и решительностью стараться не допускать повторения подобной политики в настоящее время, выкорчевать до конца остатки фашистских режимов, обезвредить человечество от фашистской язвы, хотя бы она в настоящее время кое-кому и не казалась на первый взгляд слишком опасной. Тем не менее, как

⁸¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание, Доклад Подкомитета по испанскому вопросу, стр. 6.

видим, и сейчас делается ссылка на необходимость проведения политики невмешательства по отношению к фашизму.

Г-н ван-Клеффенс заявил, что он хочет при обсуждении вопроса, поставленного польским правительством, иметь под собой прочную почву. Я с интересом выслушал это заявление. Но оказалось, что под твердой почвой он подразумевает проведение политики невмешательства в отношении фашизма в Испании. Но ведь и раньше такую политику называли твердой почвой. Однако эта «твердая почва», как известно, в действительности была зыбью, почти болотом. Какие последствия она принесла для народов, теперь известно.

Многие политические деятели, сторонники довоенной политики невмешательства, венцом которой является «Мюнхен», за много лет до войны утверждали, что фашистский режим, например в Германии, якобы не представлял опасности, поскольку он являлся будто бы только определенной идеологией. Пока происходили бесплодные дискуссии на тему о том, представляет ли фашизм собой только идеологию, или он представляет собой нечто большее, фашистские идеологи занимались лихорадочной подготовкой войны и перевели свою идеологию на язык танков, самолетов, автоматов, заставив свободолюбивые страны заплатить весьма дорого за политику невмешательства, проводившуюся в отношении фашистских государств.

Когда говорят и сейчас о том, будто бы испанский фашизм не представляет собой угрозы миру, то невольно напрашивается сравнение подобных разговоров и утверждений со старой провалившейся политикой невмешательства, проводившейся до войны. Невольно напрашивается мысль об исторических параллелях.

Совет Безопасности не может легко отмахнуться от испанского вопроса. Народы Объединенных Наций требуют, чтобы наша Организация была действительно орудием поддержания мира и безопасности. Такой она может быть только при условии, если она будет орудием борьбы против фашизма, в каких бы формах он ни находил свое проявление, орудием борьбы против поджигателей войны, какими бы фразами эти поджигатели войны ни прикрывали свои намерения и действия. Все громче и громче раздаются голоса действительных борцов за мир и безопасность, требующих разрыва с Франко.

Я мог бы привести пространный список органов печати Соединенных Штатов Америки и имен видных американских политических деятелей и организаций самого разнообразного направления, которые призывают к международным действиям в отношении Франко. Перечисление списка этих органов печати, лип и организаций заняло бы много времени. Я ограничусь в этой связи ссылкой лишь на таких известных политических деятелей, как сенаторы Артур Каппер, Клод Пеппер, Джозеф Гаффи, члены палаты представителей Кофи, Селлер, Савадж, Петерсон, бывший секретарь казначейства Генри Моргентау и другие.

Миролюбивое человечество не поймет отказа Совета Безопасности принять решительные ме-

ры против того, чтобы гидра фашизма, ампутированная Объединенными Нациями в одном месте мира, спокойно существовала в другом месте мира. Я хочу выразить надежду, что Совет Безопасности в должной мере оценит положение, существующее в Испании, и ту серьезную опасность, которой чревато это положение для мира в будущем, и поддержит предложение, внесенное нашим польским коллегой. Такое решение соответствовало бы решению Берлинской конференции глав правительств трех держав и резолюции, принятой первой сессией Генеральной Ассамблеи, определившей общие принципы, которыми должны руководствоваться государства-члены Объединенных Наций при определении своих отношений с существующим в Испании фашистским режимом⁸². Такое решение соответствовало бы духу и букве Устава Организации Объединенных Наций, высоким целям и принципам, провозглашенным Организацией, и представляло бы поддержку демократическим силам Испании. Оно соответствовало бы интересам испанского народа, так как помогло бы ему скорее избавиться от существующего в Испании фашистского режима и занять достойное место в семье других миролюбивых народов мира.

Г-н ВЕЛЛОЗО (Бразилия) (*говорит по-французски*): Прежде всего я хочу объяснить свою позицию, или вернее позицию моей страны, в отношении пункта 7 статьи 2 Устава. Бразилия в своих замечаниях по плану Думбартона Окс⁸³ рекомендовала включить в Устав принцип невмешательства в вопросы, входящие во внутреннюю компенсацию государства, еще задолго до того, как ей было что-либо известно относительно поправки, внесенной по этому вопросу державами-инициаторами в Сан-Франциско⁸⁴.

Это отвечало законной традиции Бразилии и общей традиции большинства американских народов, которые в конце концов включили в 1938 году этот принцип в конвенцию, регулирующую их международные отношения. Я имею в виду Конвенцию, подписанную в Монтевидео на последнем панамериканском конгрессе.

Этот принцип, который мы поддерживали недавно, именно 12 декабря прошлого года⁸⁵, в ответ на уругвайское предложение, мы намерены отстаивать любой ценой. По нашему мнению, невмешательство представляет собой правовое обязательство отдельных государств. Я буду голосовать против всякого решения Совета Безопасности, которое может нарушить этот принцип.

К этому я добавлю, что, вообще говоря, я сомневаюсь в том, чтобы вопрос, поднятый представителем Польши, входил в компетенцию Совета. Форма правительства в Испании, как и в любой другой стране, независимо от ее происхождения, не относится к категории обстоятельств, которые Устав называет «международной ситуацией». Это национальный вопрос, входящий

⁸² См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей в течение первой части ее первой сессии, стр. 41.

⁸³ См. Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации, том 3, стр. 233 англ. текста, пункт 4.

⁸⁴ Там же, стр. 243-253 англ. текста.

⁸⁵ См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части, первой сессии, стр. 63-64 англ. текста.

по существу во внутреннюю компетенцию государства и в отношении которого Устав устанавливает, что никакие его положения не дают Организации Объединенных Наций права на вмешательство.

Представитель Польши осудил в своем письме и в своей речи наличие в Испании нацистских элементов, занятых изучением новых способов ведения войны. Эти новые способы как будто относятся к категории тех видов оружия, изготовление которых, ввиду их разрушительной силы, Организация Объединенных Наций намерена поставить под контроль. Совет не может оставаться безразличным по отношению к такому обвинению. Напротив, его обязанностью является, согласно пункту 1 статьи 1 Устава, этот вопрос расследовать.

Но, требуя принятия таких мер, как разрыв дипломатических отношений с правительством генерала Франко или применение экономических санкций против Испании, Совет не внесет ясности в этот вопрос. Помогли бы в данном случае именно обратные меры.

Ввиду этого я должен с сожалением заявить, что не могу принять предложения представителя Польши.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): Перед нами стоит вопрос резолюции представителя Польши, призывающий все государства-члены Организации Объединенных Наций к разрыву дипломатических отношений с режимом Франко. Эта резолюция основана на письме представителя Польши, а также на приведенных им вчера устных данных.

Само собой разумеется, что это не спор, а ситуация, каковая вызвала широкую полемику во всем мире и большие разногласия в каждой из наших стран, а также во всех странах, состоящих в Организации Объединенных Наций. Эта ситуация выдвигает также основные вопросы относительно целей войны, которые мы отстаивали и за которые боролись в течение недавней войны, а также вопросы, касающиеся осуществления наших мирных целей.

Сейчас, с самого начала обсуждения, поднят вопрос о внутренней компетенции. Статья 2 Устава налагает на Совет Безопасности одно важное ограничение. Эта статья определенно запрещает нам вмешиваться в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию того или иного государства. Из этого, как общее правило, следует, что мы не можем делать рекомендаций, касающихся правительства какой-либо страны. В данном случае правительство Австралии придает огромное значение этому ограничению. Оно считает, что это ограничение является одной из самых важных, одной из очень немногих мер, ограждающих малые государства. Большие государства, пять постоянных членов Совета, всегда надежно обеспечены, конечно, принадлежащим им правом вето.

На первый взгляд может показаться, что данный вопрос является одним из тех, которые входят во внутреннюю компетенцию государства. Но граница между вопросами, которые имеют международный характер, и теми, которые имеют характер внутренних, точно не установлена и

изменчива. Представляется исчерпывающе ясным, что правительство фашистского происхождения может своими действиями и политикой, как внутренней, так и внешней, и в связи с реакционными группами других стран, серьезно угрожать международному миру. Гитлеровская Германия, например, активно проводила внутреннюю политику, явно направленную на создание международных трений.

Поэтому одно существование фашистского правительства не дает нам еще права подвергать его обсуждению. Мы должны произвести расследование и доказать, что политика и деятельность этого правительства затрагивают международные интересы и, следовательно, входят в сферу Устава.

С другой стороны, у нас есть доказательства, что этот вопрос затрагивает международные интересы. У нас имеются резолюции, принятые в Сан-Франциско⁸⁶ и Лондоне, а также Потсдамская декларация⁸⁷, которые вам известны и под которыми Австралия подписалась. Этот вопрос рассматривался также Советом Лиги Наций в течение целого ряда лет. По нему было произведено расследование и было вынесено много резолюций.

Имеется еще следующий знаменательный фактор. 4 марта Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство и Франция сделали декларацию, призывающую к упразднению режима Франко⁸⁸. Какие были их цели? Хотели ли они отстранить правительство Франко как таковое? Какими сведениями они располагали, какие были у них доказательства? Считали ли они, что это правительство является причиной международных трений? Имели ли они сведения, что оно угрожает международному миру и безопасности? Нам это неизвестно. Все что мы знаем, это то, что была сделана эта важная декларация. Надо было ожидать, что не отдельные страны, а Организация Объединенных Наций в целом примет участие в такого рода шаге.

Кроме того, у нас имеются очень веские документы, исходящие от государственного департамента Соединенных Штатов и от Федерального бюро уголовного розыска (FBI), из которых видно, что нацистские агенты держат в своих руках жизненно важные стороны испанской индустриальной и экономической жизни. Факты, на которые опираются эти сообщения, представляют собой весьма реальные и существенные доказательства.

Перехожу к моему второму вопросу: является ли эта ситуация источником международных трений?

С одной стороны, представитель Польши заявил, что сосредоточение войск на границе, а также действия французского правительства, выразившиеся в закрытии границы, определенно доказывают, что налицо тут источник международных трений. Но как это ни странно, предста-

⁸⁶ См. Документы Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации, том 6, Комиссия I, Общие положения, стр. 124-136 англ. текста.

⁸⁷ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание, стр. 80.

⁸⁸ Там же, стр. 80.

витель Франции ни словом об этом не обмолвился. Он никогда не заявлял, что это источник международных трений. Все что он сказал, — это то, что создавшаяся обстановка вызвала международные разногласия и расхождения во мнениях, которые, мы надеемся, будут разрешены. Кроме того, он ни слова не сказал о причинах, по которым французское правительство закрыло границу. Таким образом, я до сих пор не нахожу никаких доказательств того, что эта ситуация является причиной международных трений. Она несомненно служит предметом споров между разными группами и отдельными лицами. Но где же факты?

Перейду теперь к третьему вопросу: угрожает ли эта ситуация международному миру и безопасности?

Представитель Польши сообщил нам кое-что о пребывании в Испании 100 000 милиционеров из Виши и Германии, о размере армии, о расходах на нее суммах, о производящихся военных приготовлениях. Но большая часть всего этого основана на сообщениях военного министра республиканского правительства в изгнании. По моим же сведениям, с другой стороны, испанская армия не так многочисленна, как была шесть месяцев тому назад, и ее организация и снаряжение не отвечают требованиям современной войны.

Представитель Польши упомянул также о каких-то лицах, которые приезжали сюда для закупки планов и аппаратуры для производства урана. Закупили ли они это действительно? Было ли закупленное ими отправлено? Устанавливается ли эта аппаратура? Нам это неизвестно. Я спрашиваю опять: где факты?

Далее, польский представитель внес свой вопрос на основании главы VI Устава. Но глава VI предусматривает расследование. Она требует, чтобы такое расследование было произведено до того, как будет принято какое бы то ни было решение. Мы должны вынести решение и установить факты. А представитель Польши прямо переходит к статьям 39 и 41 главы VII, которые применимы только к случаям доказанной агрессии.

Австралийская точка зрения остается неизменно последовательной. Мы требуем расследования и доказательств, а также установленных фактов, для того чтобы принять решение.

Здесь, за этим столом, наметились две концепции. Одна говорит: давайте, без всякого расследования, применим некоторые санкции. Другая отвечает: мы ничего не будем делать, так как это вопрос внутренней компетенции государства.

Точка зрения делегации Австралии заключается в том, что мы не должны принимать ни того, ни другого предложения. Мы хотим расследования по трем указанным мною вопросам.

Во-первых, затрагивает ли этот вопрос международные интересы, а не только интересы внутренней компетенции?

Во-вторых, является ли эта ситуация причиной международных трений?

Если ответ на этот вопрос — утвердительный, то возникает третий вопрос: угрожает ли созда-

ваемая ситуация международному миру и безопасности?

Если ответ на эти вопросы — отрицательный, то мы никаких дальнейших мер принимать не можем. Если же ответ — положительный, то тогда, и только тогда, Совет Безопасности будет в состоянии решить, что может и что должно быть сделано.

Какую в данном случае цель ставит себе Совет Безопасности, какова цель нашего здесь заседания? Ликвидировать режим Франко. Но думает ли действительно представитель Польши и думают ли те, кто поддерживают его резолюцию, что разрыв дипломатических отношений обеспечит достижение этой цели? Верит ли серьезно представитель СССР в то, что говорит? Сколько стран поддерживают дипломатические отношения с Франко? Очень мало; я даже не могу получить фактических данных об этом. Я не думаю, чтобы эти отношения поддерживала даже половина государств-членов Организации. Австралия их не поддерживает.

Поэтому я согласен с представителем Нидерландов, что меры, подобные тем, которые были здесь предложены, скорее укрепят положение Франко. Я считаю, кроме того, что такой шаг, как декларация от 4 марта, также укрепил положение Франко. Поэтому я повторяю, что, если ответ на указанные вопросы будет отрицательным, мы не должны предпринимать никаких действий. Если же ответ будет утвердительный, то мы должны принять все возможные меры, предусмотренные Уставом.

Таким образом, я хочу предложить к польской резолюции поправку, которая будет сейчас роздана, относительно учреждения Советом подкомитета для расследования и изучения фактов. Я прошу вас серьезно отнестись к этой поправке. Мне кажется, она будет особенно приемлема для г-на Стеттиниуса, который заявил, что у его правительства нет предвзятости в этом вопросе и что оно заинтересовано в установлении фактов. Разрешите мне огласить эту поправку:

«Совет Безопасности,

ввиду обращения его внимания, в порядке статьи 35 Устава, одним из членов Совета на ситуацию в Испании,

получив предложение объявить, что эта ситуация повела к международным трениям и угрожает международному миру и безопасности,

настоящим постановляет, в соответствии со статьей 34 Устава, о производстве дальнейшего расследования, чтобы установить, действительно ли имеется налицо подобная ситуация, и с этой целью

назначает комитет из пяти своих членов и

поручает этому комитету рассмотреть заявления, сделанные Совету Безопасности относительно Испании, затребовать дополнительные письменные заявления и документальные доказательства от государств-членов Организации и представителей режима Франко, а также произвести другие расследования, которые он сочтет нужными, с тем чтобы представить Совету Безопасности не позднее 17 мая 1946 г. доклад по следующим вопросам:

1. Входит ли данная ситуация по существу во внутреннюю компетенцию Испании?

2. Имеет ли ситуация в Испании такой характер, что она может привести к международным трениям или вызвать спор?

3. В случае утвердительного ответа на второй вопрос, может ли продолжение этой ситуации угрожать поддержанию международного мира и безопасности?»

Тем временем, разумеется, если эта поправка будет принята, резолюция Польши будет продолжать оставаться на нашем рассмотрении, но то или иное решение по ней будет отложено до 17 мая.

Г-н ГО Тай-чи (Китай) (*говорит по-английски*): Так как уже поздно, я в общих чертах весьма кратко разъясню точку зрения моего правительства относительно предложения, внесенного представителем Польши. Но до этого я хотел бы в нескольких словах изложить некоторые факты, касающиеся позиции Китая по отношению к франкистской Испании.

С падением республиканского правительства, Китай отозвал своих дипломатических представителей из Испании. По собственной инициативе Китай отказался признать франкистское правительство с самого начала его существования, и моя страна не имела никаких дел с этим фашистским режимом. Деятельность франкистского режима, который помогал и содействовал агрессии держав оси, не ограничивалась только Европой, но распространялась также на Дальний Восток, когда правительство Франко признало марионеточное правительство, созданное в Нанкине японцами.

Китай, вместе с другими коллегами по Организации Объединенных Наций, поддержал, разумеется, резолюцию Генеральной Ассамблеи, принятую в Лондоне 9 февраля и осудившую фашистский режим в Испании, основанный при поддержке держав оси, а заявление Испании о приеме в Организацию Объединенных Наций было отклонено.

В настоящий момент предложение польского представителя по существу своему требует согласованных действий со стороны всех государств-членов Организации Объединенных Наций, причем дело связано с применением статей 39 и 41 Устава. Для Совета это вопрос огромной ответственности, могущий повлечь за собой далеко идущие и серьезные последствия. Совет юридически и нравственно обязан разобрать все без исключения факты, относящиеся к делу, беспри-

страстно и объективно, чтобы установить, действительно ли существование определенного режима в какой-либо стране представляет угрозу международному миру и безопасности.

По мнению китайского правительства, пока Совет не будет окончательно убежден, что факты, о которых идет речь, действительно являются угрозой миру, он не должен прибегать к каким-либо немедленным коллективным мерам. Только в том случае, когда существование угрозы миру твердо установлено, может Совет вынести решение о мерах, применение которых он пожелает рекомендовать государствам-членам Организации.

Оставляя за собой право высказать свое мнение о том, что в данном случае представляет собой угрозу международному миру и безопасности, я хочу присоединиться к другим членам Совета и выразить мое сочувствие испанскому народу в его стремлении восстановить свободное и демократическое правительство, а также мою надежду на то, что мы сможем приветствовать его вступление, в свое время, в Организацию Объединенных Наций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я предлагаю, чтобы мы снова собрались во вторник 23 апреля, в 3 ч. дня.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): У меня нет возражений, но нужно будет на очередном заседании покончить, если это будет возможно, с вопросом, который был передан Комитету экспертов несколько дней тому назад. После можно будет продолжить обсуждение этого испанского вопроса. Если можно устроить заседание в понедельник по вопросу, переданному Комитету экспертов, то было бы хорошо иметь такое заседание в понедельник. Если это нельзя сделать, тогда по тому же вопросу нужно устроить заседание во вторник, а по этому испанскому вопросу или во вторник во второй половине дня, или в среду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я хочу предложить собраться во вторник, и тогда мы включим в повестку дня, в первую очередь, доклад экспертов, а затем перейдем к предложению представителя Польши.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я хотел спросить, нельзя ли тем временем раздать доклад Комитета экспертов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Этот доклад как раз сейчас раздается.

Заседание закрывается в 6 ч. 15 м. вечера.